

Художественный вкус — тоже мировоззрение

(Заметки о гастролях Комсомольского-на-Амуре драматического театра)

Сегодня прощальный концерт. Спектакли позади. Они были разными: одни волновали, заставляли думать, другие нравились меньше... Нам кажется, что об этих зрительских «нравилось» и «не нравилось» стоит поговорить подробно, потому что вкус эстетический, художественный тоже мировоззрение и еще потому, что репертуарная линия театра проверяется на гастролях.

Подарком николаевцам был спектакль «Третья, патетическая» Н. Погодина. В нем глубоко и человечно раскрыт образ Б. И. Ленина артистом Денисовым. Верно найдена атмосфера спектакля; с хорошими подробностями, сочно сделаны эпизодические роли. Виден почерк режиссера. Он в приметах времени, в умелой смене сценического ритма. Все это делает спектакль целостным, взволнованным.

Как о творческой удаче можно говорить о постановке пьесы Островского «Доходное место». Здесь по-новому раскрылось дарование молодой актрисы Лалаевой. Показал удивительную способность к перевоплощению артист Равикович. Глядя на Лалаеву — Полину, зритель пришел к единодушному мнению: вот роли ее плана. А это значит, что актриса полностью вошла в образ.

Молодого способного артиста Равиковича зритель полюбил. Непринужденно, с юмором ведет он в пьесе роль чиновника. Его чиновник бездарный, забитый подхалим, но себе на уме, ловкач. В игре Равиковича есть что-то от киноартиста (когда идут съемки первым планом и нужны тонкие, мягкие приемы). У него глаза живут своей особой жизнью. Пауза тоже может жить и может быть мертва. У Равиковича пауза живет. Радует, что артист, кроме чувства правды образа, обладает хорошей фантазией. Поэтому ни одну из сыгранных им ролей нельзя назвать серой. Все они без повторов, все запоминаются.

В поисках положительного героя наших дней театр пришел к постановке пьесы А. Чаковского, Н. Рубинштейна «Суровая любовь» (Дороги жизни). Нам кажется, что поиски эти еще не увенчались успехом. И вот почему. Была глубокая, умная книга А. Чаковского. Из нее решили сделать пьесу. Но ведь повесть имеет свои законы, а сцена свои. В пьесе получилось «безобразье», т. е. то, чего больше всего должен бояться артист. Основной мотив спектакля составляет спор между большой правдой и маленькой, умудренной житейским опытом, корыстной, себялюбивой. Борются молодой инженер Андрей Арефьев и инженер со стажем, специалист Крамов. Для Крамова главное — план, слава. Он не заботится о людях, не верит в них, для него люди лишь рабочая сила. Смелый и неподкупный Арефьев — полная противоположность ему. Но

ведь дело-то все в том, что Крамов в пьесе, отсюда и в спектакле, не опасен. У него негнущейся убежденности карьериста и циника. Поэтому мелькает образ положительного героя в борьбе со слабым противником. Выходит — он сражается с ветряными мельницами. Становится обидным, что молодому хорошему артисту Попову достался такой неблагодарный материал. В «Доходном месте» Островского Попов играет Жадова. Там его игра убеждает, несмотря на трудный текст роли. Ведь Жадов (Попов) говорит известные истины: что жить надо честно, что не надо брать взятки, что следует приучать себя к труду. Чистотой, искренностью артист заставляет верить в своего героя. И потом, в комедии Островского, где добро и зло доведены до точек, до гротеска, эти истины в устах положительного героя уместны. В «Суровой любви», где действие происходит в XX столетии, в наши дни декларативность просто расхолаживает зрителя.

Светлана, молодой инженер, приехавший на стройку (арт. Фирсова), к сожалению, безлика. Единственно, что бросается в глаза в ее игре, — излишняя нервозность. Утеряно главное в спектакле, а потому нарушен ритм. В результате получается, что Крамов интереснее этих скучных положительных резонеров, т. е. обратное тому, что хотел сказать автор. Недостатков пьесы, ее фрагментарности не спасают даже введенные режиссером проходы перед занавесом. Спектакль как бы распадается.

Есть категория зрителей, которая возразит: нет, нам не нравится «Доходное место», а вот нападки на «Суровую любовь» напрасны. Говорят, о вкусах не спорят. Но театр должен спорить с таким зрителем, потому что он призван воспитывать художественный вкус в людях. И правильно делает Комсомольский-на-Амуре драматический театр, отстаивая право на жизнь такого хорошего спектакля как «Ангела». В нем сама жизнь. Пусть приходится спорить со зрителем, спорить «с кассой», но ведь это и есть убежденность, это и есть воспитание эстетического вкуса.

Печально, что театр не всегда верен своей линии. Только

такой невзыскательностью можно объяснить появление в репертуаре наряду с «Ангелой», «Блудным сыном», «Доходным местом», такой чисто детективной вещи, как «Опасная профессия» Соловьева. Здесь, безусловно, есть интрига, но она так закручена, что в конце спектакля приглушается всякая реакция зрителя. Кто главный герой пьесы? Друг, враг? Вы до последней сцены лишены возможности почувствовать или ненавидеть героя, т. к. автор предпочитает держать вас в напряженной неизвестности.

В «Блудном сыне» Раннета тоже есть динамическая интрига, но там большая и важная идея воплощена в образах. Точнее, глубже остальных персонажей выписаны мать и сын. Запоминается мать в исполнении заслуженной артистки республики Гусачевой. У нее негромкая интонация, скупые движения, ничего лишнего — все бьет в цель. Это образ человеческий, сильный. Плохо, что в спектакле, где занято всего пять актеров, у двоих образов не получилось. Прежде всего, это относится к артисту Макарову, исполняющему роль Лембита. Он живет только тогда, когда рядом с ним другие, они делают его живым своей характерностью. Сам же он себя никак не раскрывает. Но несмотря на отдельные просчеты, спектакль смотрится с интересом. Хорошо, что театр проявляет широкий интерес при выборе репертуара. Здесь и пьеса прогрессивного греческого драматурга Севостикоглу «Ангела», и работа прибалтийского драматурга Раннета «Блудный сын», и спектакль из русской классики «Доходное место» Островского.

Творческому коллективу театра хочется пожелать на будущее — брать оружие из надежного арсенала, всегда шатать в ногу с жизнью, продолжать поиски положительного героя.

В театр пришла молодежь. Надо дать ей возможность рассказать о себе, о своем поколении. Тогда она будет идти не от знакомой сцены (что частично наблюдается в «Колесе счастья»), а от знакомой жизни. А это — самое ценное в искусстве.

Е. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ.